

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH1641083-1098>

Капустина Екатерина Леонидовна
к.и.н., зав.отделом этнографии Кавказа,
Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого РАН (Кунсткамера), Санкт-Петербург, Россия
parlel@mail.ru

СВАДЬБА ТРАНСМИГРАНТА: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ТРАНСЛОКАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ДАГЕСТАНЕ

Аннотация. В фокусе статьи феномен долговременной трудовой миграции из Республики Дагестан в города Западной Сибири (Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО), который автор рассматривает как вариант транслокального образа жизни. Транслокальный режим миграции ставит перед практикующими его людьми, трансмигрантами, целый комплекс задач, одна из которых – как трансмигранту, его семье и сообществам, в которых он в той или иной мере существует, приспособить под этот режим исполнение важных жизненных ритуалов. Данная статья посвящена некоторым аспектам изучения свадебного ритуального комплекса в современном Дагестане сквозь призму проблемы мобильности в судьбе дагестанского сельского сообщества. Основной целью статьи является определение транслокальной специфики проведения основных свадебных мероприятий в семьях трансмигрантов, а также демонстрация значимых практик мобильности, сформированных вокруг свадьбы в транслокальном сообществе. В статье показано как транслокальность влияет на основные стадии свадьбы – главным образом, на выбор брачного партнера, предсвадебные мероприятия и локацию самого свадебного торжества. Построенный по таким принципам свадебный ритуал определяет практики регулярной и окказиональной мобильности мигрантов и их односельчан, скорость перемещения между отправляющим и принимающим сообществами и принятия решений об этих перемещениях, а также корректирует опосредованно относящиеся к свадебному комплексу экономические и социальные стратегии дагестанцев. Также в статье показана значительная роль интернет-коммуникации в модификации практик, связанных с проведением свадьбы. Статья написана на полевом этнографическом материале автора, собранном в Республике Дагестан, а также в ХМАО и ЯНАО в 2017–2019 гг.

Ключевые слова: Дагестан; транслокальность; миграции; свадебные ритуалы; мобильность; экономические стратегии.

© Капустина Е.Л., 2020

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2020

 Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH1641083-1098>

Ekaterina L. Kapustina

PhD (History), Head of Department of Caucasian Ethnography,

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography

RAS (Kunstkamera), Saint Petersburg, Russia

parlel@mail.ru

A TRANSMIGRANT'S WEDDING: SOME ASPECTS OF STUDIES ON TRANSLOCALITY IN MODERN DAGESTAN

Abstract. The article focuses on the phenomenon of long-term labor migration from the Republic of Dagestan to the cities of Western Siberia (Khanty-Mansi and Yamalo-Nenets Autonomous District), which the author considers as a variant of a translocal lifestyle. The translocal type of migration poses a whole set of tasks for people practicing it, i.e. transmigrants. One of the tasks is how a transmigrant, his family and the communities in which he lives, should adapt the performance of important life rituals to this type of migration. The present paper is devoted to some aspects of the study of wedding ritual complex in modern Dagestan through the prism of the problem of mobility in the life of the Dagestan rural community. The main purpose of the article is to determine the translocal peculiarities of holding the major wedding events in transmigrant families, as well as to demonstrate the significance of mobility practices formed around the wedding in the translocal community. The article shows how translocality affects the main stages of a wedding: the choice of a partner, pre-wedding events and the location of the wedding itself. A wedding ritual built on these principles determines the practices of regular and occasional mobility of migrants and their fellow villagers, the rate of moving between sending and receiving communities and making decisions about these movements, as well as adjusts the economic and social strategies of Dagestanis indirectly related to the wedding complex. The article also demonstrates the significance of the internet communication in the modification of practices related to weddings. The study is based on the author's field ethnographic material collected in the Republic of Dagestan, as well as in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug and Yamalo-Nenets Autonomous Okrug in 2017–2019.

Keywords: Dagestan; translocality; migration; wedding rituals; mobility; economic strategies.

© E.L. Kapustina, 2020

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2020

 Creative Commons Attribution 4.0 International License

При изучении социальной жизни общества от исследователя часто требуется обращение к различным практикам и дискурсам, связанным с важнейшими ритуалами этого общества. Для понимания значимых механизмов устройства дагестанского социума сложно переоценить значение именно комплекса свадебной обрядности, тонко названного выдающимся исследователем этнографии Дагестана М.А. Агларовым «одной из самых чувствительных областей жизни народа» [1, с. 5].

Последние несколько лет в рамках разработки темы миграции из сельских районов Дагестана в крупные города и добывающие центры Западной Сибири Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого АО (далее ХМАО и ЯНАО)¹ я пишу о различных аспектах жизни дагестанских мигрантов и через это – о функционировании дагестанского «постсельского» социума выходцев из одного селения, сформировавшегося в результате этой миграции². Используя основные положения концепций транснационализма и транслокальности³ [2, 3, 4], которые позволяют рассматривать мигранта и его социальный мир без отрыва от отправляющего сельского сообщества, я прихожу к выводу, что на смену дагестанскому селу как локальному социальному организму к началу XXI века приходит транслокальное сообщество, состоящее из мигрантов, членов их семей и немигрантов, оставшихся в селении. Транслокальный характер миграции из Дагестана в города ХМАО уже не раз рассматривался мной в предыдущих статьях (подробнее об этом см. [5, 6, 7]). В общих чертах стоит повторить, что невозможность полностью вписаться в принимающее общество, экономические инвестиции и в место миграции, и в отправляющее сообщество, проведение части значимых ритуалов в одном месте, а части в другом, интенсивность и регулярность движения людей, вещей, товаров, денег, информации между двумя локациями – все эти факторы, по моему мнению, и делают дагестанских мигрантов транслокальными. Для данной статьи важным будет и то, что транслокальные мигранты продолжают сохранять свою идентичность и социальные сети, связанные с селением исхода.

Транслокальный режим жизни ставит перед практикующими его людьми целый комплекс задач, одна из которых – как мигранту, его семье и сообществу, в котором он в той или иной мере существует, приспособить под этот ритм

1 В данной статье не планируется детальное описание особенностей дагестанской миграции в регионы ХМАО и ЯНАО, поскольку на эту тему уже написано несколько статей – см., например, [5,6,7].

2 Полевая работа по данной проблематике проводилась мной в Ханты-Мансийском (Сургут, Пыть-Ях, Покачи, Радужный), и Ямало-Ненецком (Новый Уренгой) автономных округах и в различных районах Республики Дагестан (Хасавюртовский, Дахадаевский, Кайтагский, а также Махачкала, Каспийск) в 2014, 2015, 2017-2019 гг, однако также привлекались материалы, собранные мной ранее и в других районах Дагестана в ходе работы над смежными темами.

3 Транснационализм здесь определяется как свойство миграции, состоящее в том, что мигранты развивают и поддерживают множественные формы отношений, пересекающие государственные границы, и строят свои публичные идентичности при взаимодействии с более чем одним национальным государством [3, с. IX]. Транслокальная миграция рассматривается некоторыми авторами как аналог транснациональной миграции, не предполагающий пересечения национальных границ, и внутренняя российская миграция очевидно – такой случай. При другом взгляде на транслокальность не исключается наличие национальной границы между отправляющей и принимающей территорией, однако акцент делается на мобильности денежных, товарных и информационных потоков [8].

исполнение важных ритуалов, ведь именно ритуалы «предоставляют идеальный контекст, где можно вновь подтвердить членство в сообществе, продемонстрировать силу, статус и его повышение» [9, с. 174]. Самые значимые ритуальные комплексы – связанные с рождением и смертью, а также свадебные – и так в значительной мере модифицирующиеся в условиях современного Дагестана, вынуждены подстраиваться под новые реалии, связанные с миграцией и обусловленной ею транслокальностью. В своих предыдущих статьях я немного освещала ситуацию с организацией похорон и о роли похоронных мероприятий для транслокального сообщества, вскользь упоминались и сюжеты, касающиеся свадебных ритуалов. В настоящей работе мне бы хотелось сконцентрировать внимание именно на свадьбе в транслокальном сообществе.

Изучение свадебных ритуалов и различных практик и дискурсов, связанных с браком через призму концепции транснационализма и в связке с трансграничными исследованиями – одна из популярных тем в современной антропологии миграций. Только в последние десятилетия вышло множество статей и несколько сборников, связанных с этой проблематикой, на примерах, как правило, случаев международной миграции из развивающихся стран в экономически развитые страны Европы и Северной Америки, а также внутри Тихоокеанского региона. Изучаются такие аспекты темы как власть и гендер, проблема документированности и миграционной политики, сочетание традиционности и модерности в ритуалах [10, 11], практики семейной миграции как одного из вариантов обхода миграционных ограничений в западных странах [12]. Нередко тема транснационального брака рассматривается преимущественно с позиции принимающего (в большинстве случаев европейского) общества [13, 14], тогда как влияние кросс-граничных браков на отправляющее общество должно быть не меньшим [15]. Для данной статьи значимыми оказались работы, сосредоточившие внимание на характере взаимодействия мигрантов с отправляющими сообществами через свадебные практики, проблематизация сохранения статуса мигранта на малой родине, темы моральной экономики в сообществе и сохранения локальной идентичности в принимающем обществе через призму проведения и участия в таком значимом ритуале как свадьба [15, 16, 17].

Основные исследовательские вопросы, которые будут разработаны в данной статье – какова специфика организации и проведения свадебных мероприятий в современном Дагестане в условиях транслокальной жизни вовлеченных в них людей, в какой степени и как свадьба в этом случае модифицирует практики мобильности и специфику взаимодействия друг с другом членов дагестанского транслокального сообщества.

Безусловно, не стоит говорить о существовании единого комплекса свадебной обрядности, актуального для всего современного дагестанского общества, чрезвычайно полиэтничного и поликультурного. Известно, что даже в рамках одной этнической группы свадебные обычаи традиционно значительно различались, и уже в XX веке эти традиции претерпевали значительную трансформацию в условиях советских политических, социально-экономических и

культурных преобразований, масштабного процесса урбанизации и драматических изменений в постсоветский период [18, 19, 20, 21, 22]. В частности, все эти процессы оказывают влияние на некоторую унификацию основных частей свадебного цикла, особенно при проведении свадьбы в городах республики, где в последнее время нередко проводят их и постоянно живущие в селах дагестанские семьи [19, с. 178].

Тема развития свадебного ритуального комплекса в постсоветский период в целом, а также детальное рассмотрение сходства и различий локальных вариантов свадебной обрядности, бытующих в республике, уже имеет богатейшую историографию и скрупулёзно изучена дагестанскими исследователями (см., например, [19, 20, 23, 24]), поэтому эти задачи не ставятся в настоящей статье. В фокусе данной работы находится, прежде всего, вопрос степени влияния транслокального образа жизни, характерного для многих дагестанских сельских сообществ, на такую социальную практику и социальное действие как свадьба, а также на связанные с ней практики мобильности, экономические и социальные стратегии дагестанцев.

На мой взгляд, для решения этих задач правомерно рассматривать основные усредненные элементы свадебного обрядового комплекса. Этот комплекс в целом состоит из следующих компонентов: периода подбора пары, организации и проведения помолвки, подготовительного периода к свадебному торжеству, проведения самого праздника и затем ритуалов, связанных с вхождением молодой супруги в семью мужа и организацией новых родственных связей между семьями. В этой статье последней части внимание будет уделено в минимальной степени, поскольку моего полевого материала на данном этапе исследования для этого недостаточно.

Уезжая на длительный период, мигрант, как правило, должен ориентироваться на отправляющее сообщество, когда встает вопрос о вступлении в брак его самого или его детей. Желательность или в некоторых случаях обязательность соблюдения принципа этнической эндогамии – общекавказская специфика, межэтнические браки хотя и встречаются, но, в большинстве случаев, как минимум не поощряются и все еще нередко осуждаются. В Дагестане, помимо этого, типичной брачной системой к тому же, в отличие от большинства других кавказских регионов, является сельская и даже в некоторых случаях сохранившаяся, хотя и в редуцированной форме, родовая (тухумная) эндогамия [1, 20]. Не так редки в настоящее время и кузенные браки. Эти особенности оказывают существенное влияние на транслокальное сельское сообщество, а, во-многом, и становятся важным фактором, консолидирующим транслокальный джамаат, и определяющим степень его реальности (подробнее см. [6]).

Несмотря на то, что в условиях долговременной миграции межэтнические браки в условиях миграции в города ХМАО и ЯНАО становятся не такими и редкими, идеальным вариантом по-прежнему рассматривается брак выходцев из одного селения. Мои наблюдения подтверждают и полевые данные моих коллег: по мнению Д. Соколова, выросшие в Сибири дети мигрантов все так

же стараются жениться на своих сельчанках, однако для них брак не является способом интегрироваться в сельскую среду⁴.

Поиск брачного партнера в Дагестане – проблема не только и не столько брачующегося, но и всей его малой семьи и шире – родственной группы. В условиях проживания в селе все потенциальные женихи и невесты сельского сообщества, а также переселенцы из этого села в города и другие районы республики, образуют единый реестр так или иначе одобряемых брачных партнеров. Ко всем девушкам на выданье и парням, которым пришла пора жениться, в селении проявляется повышенное внимание, они особенно на виду у сообщества, когда принимают участие в свадебной (реже – похоронно-поминальной) обрядности селения. Недаром в Дагестане любят поговорку «свадьба делает свадьбу», значение которой именно в признании свадебного ритуала важным информационным и организационным источником формирования новых брачных союзов.

Однако в ситуации, когда значительное число семей участвует в миграции, прежде всего, долговременной (а миграция дагестанцев в города ХМАО и ЯНАО, за редким исключением, является таковой), живущие за пределами республики молодые люди рискуют если и не выпасть из этого реестра, то стать невидимыми для потенциальной заинтересованной стороны. И наоборот, оставшаяся в Дагестане молодежь, может быть не видна семьям, долгое время живущим на севере.

Именно в ситуации подбора брачного партнера для организации свадьбы в семье, где есть мигранты, в первую очередь проявляются практики, которые соединяют и объединяют две и более географические локальности в единую транслокальную систему.

В этом случае чрезвычайно важную роль играют различные виды интернет-коммуникации (в первую очередь, Интернет-телефония, социальные сети и мессенджеры – для Дагестана это Skype, WhatsApp, Instagram, Вконтакте и другие) и видеоресурсы – они позволяют включать в единый реестр женихов и невест и тех, кто мигрировал, и живущих в селении. В некоторых сельских сообществах существуют свадебные группы в популярных мессенджерах, куда выкладываются фотографии и видеофайлы свадеб односельчан. Многочисленные фото и видео со свадеб передаются по мессенджерам через родственников не только с целью предаться воспоминаниями о важном семейном торжестве. Очевидно, это и своеобразный каталог женихов и невест, особенно важный для тех, кто находится вдали от селения.

Вот, и он потом сказал: “Найдите девочку такую всю порядочную, я женюсь”. И ...родная тетя, наша двоюродная, она предложила: “Чего вы там, тут ищете, – говорит, – на Кавсарат⁵ посмотрите, ей 17 исполнилось”.

4 Соколов Д.В. Социальная трансформация: от сельской общины к городскому сообществу. Кавполит. 17 сентября 2017. Доступно по ссылке http://kavpolit.com/articles/sotsialnaja_transformatsija_ot_selskoj_obschiny_k-35757/

5 Здесь и далее имена информантов изменены. Сельские населенные пункты, откуда родом информанты, также намеренно опускаются из соображений анонимизации.

Я говорю: “Она же это, родственница”. Она говорит: “Чего, – говорит, – она вам по крови родственница, что ли?” Такая: “Посмотрите на нее, – говорит, – чего вы на нее не смотрите?..”. Ну так посмотрели видео (снятое – авт.) на свадьбе, я ее тоже не помнила. Она же... я уже много лет здесь (в Новом Уренгое – авт.) была. Ну так в Дагестан, когда приедешь, ну приедешь ты к ним в гости, не каждое же время же она будет там сидеть, меня ждать. И посмотрели, хорошенькая девочка. Показали брату, сказал: “Ну, нормально”. И всё.⁶

Интернет-технологии помогают не только найти брачного партнера, но и контролировать организацию свадебного торжества в Дагестане, при этом находясь за его пределами. В качестве примера приведу историю женитьбы одного из моих информантов из Сургутского района. Эльнур почти всю свою жизнь прожил с родителями в г. Пыть-Ях. Когда он созрел для женитьбы, встал вопрос о поиске невесты. Невесту ему посоветовали родственницы, когда он с семьей гостил в родном селении в Дагестане, но молодые люди лично не встречались, и семья Эльнура уехала на север. После этого с подачи сестры Эльнур начал переписку с рекомендованной родственниками девушкой, через некоторое время он решил на ней жениться, и мать уполномочила родственниц провести сватовство в селе. В результате при помощи телефонной и интернет связи (видеозвонки по скайпу, пересылка фотографий по сотовой связи) все предсвадебные хлопоты – подбор подарков, процесс сговора, выбор зала и другое – взяли на себя родственники в Дагестане, семья жениха только отправляла деньги на необходимые траты. В итоге Эльнур и его семья приехали в Дагестан лишь за неделю до свадьбы, торжество было проведено и уже через неделю молодые супруги уехали обратно в ХМАО. Приданое невесты, купленное в Хасавюрте (посуда, постельные принадлежности, мебель и др.), было отправлено контейнером по железной дороге на север, где обустроились жить молодые.

Подобные истории о проведении всех необходимых приготовлений – подбора приданого, подарков, фактически заключение помолвки и проведение других предсвадебных ритуалов – через интернет-мессенджеры и видеозвонки с переводом денег через интернет-банки встречались в интервью не единожды. Несомненно, подобные практики играют роль консолидирующих как минимум для круга родственников, подолгу находящихся вдали друг от друга, а также позволяющих мигрантам полноценно участвовать в необходимых предсвадебных свадебных ритуалах.

Интересно, что посредством интернет-технологий можно контролировать не только приготовления к свадьбе, но и, к примеру, невесту, если она живет в селении, а жених находится на севере. Так расстроилась свадьба одного из моих информантов – он поставил условие своей невесте не пользоваться одной из популярных социальных сетей в вечернее время. Увидев ее онлайн в запретные часы, он разорвал помолвку, мотивировав это тем, что если его будущая жена не может слушаться его сейчас, то не склонна будет делать это и после свадьбы.

6 Полевые материалы автора, собранные в 2019 г., Новый Уренгой, ЯНАО.

Так благодаря интернет коммуникации участники этой драмы оказались видимыми друг для друга, несмотря на значительную физическую удаленность Дагестана и Сургута, где они проживали.

Инф.: В селе у нас, например, ... девочки все (еще в школе – авт.) засватаны. Я говорю: “А чего они так засватаны?” Это чтобы она этот, интернет же есть, который портит детей, девочек тем более. Общаются вот, не общается, а тут жених будет сам за ней смотреть, даже с Севера.

Соб.: А как он с Севера за ней будет смотреть?

Инф.: Ой, знаете, я так поняла, ЦРУ не так работает, как эти парни между собой⁷.

Теперь стоит перейти к проблеме места проведения самого свадебного торжества в условиях транслокальности. Прежде всего, следует отметить, что на современной дагестанской свадьбе, особенно проходящей в городе или районном центре, локальные особенности нередко опускаются в пользу усредненного варианта и проведения торжества в пространстве банкетного зала, вмещающего в себя несколько сотен и даже тысячу человек. При этом и сторона жениха, и сторона невесты организуют две отдельные свадьбы – каждая в своем отдельном зале. Они могут быть в один день (тогда свадьба невесты проходит раньше, и после того, как жених приезжает и забирает молодую на свою свадьбу, свадьба невесты постепенно заканчивается), так и в разные. В последнем случае свадьба жениха проводится на следующий день.

Долговременное нахождение семьи жениха или семьи невесты в миграции проблематизирует не только поиск брачного партнера, но и само место проведения свадьбы. Из моих полевых данных следует, что если первые мигранты стремились играть свадьбу в родной республике, то в последние годы исключением перестали быть свадьбы и в северных городах.

Выбор свадебной локации – север или Дагестан – зависит от ряда факторов. Во-первых, решение играть свадьбу на севере может быть непосредственно связано с продолжительным участием семьи в миграции, когда женятся уже дети мигрантов, которые, как правило, выросли или даже родились в ХМАО или ЯНАО. Несмотря на сохранение связей с селом исхода, связь с ним у молодых слабее, а их родители обросли знакомыми, коллегами и друзьями – потенциальными гостями на свадьбе. Например, во время полевой работы в ХМАО я попала на такую свадьбу в одном из небольших городов Сургутского района. Жених – лезгин с Маграмкентского района, но его семья уже давно жила на севере, семья невесты – азербайджанцы, также жившие в ХМАО давно. Молодые познакомились в северном городе, родители одобрили брак, хотя здесь и был нарушен принцип сельской и этнической эндогамии. Комментируя этот брак, один из гостей, односельчанин семьи жениха, пояснил, что ««... если ты находился бы на родине, можно было и ... как-то найти, ... и из своего села там, а мы же как, получается, приехали сюда, как, это уже наша родина... Они (молодые – авт.) уже, считай, что здесь выросли, у них здесь друзья, ...

7 Полевые материалы автора, собранные в 2019 г., Новый Уренгой, ЯНАО.

общение здесь получают, они туда (в Дагестан – авт.) только на два месяца приезжают и уезжают в отпуск. И в этом плане, если ребенок захотел там или понравился, мы же не смотрим, он с какого села или с этого. Уже и национальность, в принципе, не так...»⁸.

Среди гостей было много тех, кто живет в ХМАО – они приехали из разных северных городов, подчас очень далеко расположенных от места проведения этой свадьбы, однако были и гости, приехавшие из Дагестана и Азербайджана. В описанном выше случае разные государства и этнические группы также фактически нивелируют значение свадьбы именно в Дагестане.

Однако же нельзя сказать, что длительность проживания человека в миграции является достаточным условием, определяющим выбор северного города как локации для торжества. В качестве иллюстрации этого тезиса опять обращусь к полевому дневнику. Барият приехала в один из городов ЯНАО в начале 2000-х вслед за сыном. Ее сын сам нашел невесту, сам себе купил квартиру в Кизилюрте, а на севере семья живет в съемном жилье. Хотя сын уже почти 20 лет живет и работает в северной миграции, его свадебное торжество, а также свадьбу невесты играли в Кизилюрте, а в Новом Уренгое Барият просто накрыла праздничный стол дома для местных друзей и родственников, не побывавших на кизилюртовском торжестве.

Существуют промежуточные варианты, когда задействованы обе локальности. Очевидно, это нередко происходит в том случае, когда жених, к примеру, живет в ХМАО, а невеста – из дагестанского села. Один из моих информантов отмечал, что у его невесты свадьба проводилась в республике, затем невесту увезли на север, где и провели свадьбу жениха и где затем остались жить молодые.

Вернемся к случаю со свадьбой Эльнура. Он сыграл в Хасавюрте не очень многочисленную по дагестанским меркам, но все же полноценную свадьбу в одном из ресторанов Хасавюрта. Отдельная свадьба его невесты была многочисленнее и прошла в хасавюртовском банкетном зале. Молодые вскоре уехали на север, где их через некоторое время ждала ... третья свадьба – сторона жениха, уже более 20 лет к тому времени проживавшая в ХМАО, устроила свадьбу большего размаха, чем та, которая была у них в Дагестане.

Здесь видно, что свадьба жениха фактически раздвоилась. Произошло это из-за того, что у стороны жениха в месте миграции уже оказалось значительное число гостей, которых *следовало* пригласить на свадьбу, при этом некоторые значимые родственники все еще оставались в Дагестане. Перевезти одних на север или других на юг и устроить одну свадьбу, очевидно, не представлялось возможным.

Данный случай также не может считаться из ряда вон выходящим. Еще один пример из транслокальной миграции на север: Фахретдин живет в г. Покачи, ХМАО, больше 20 лет, здесь выросла его единственная дочь. Недавно он выдал ее замуж за односельчанина, живущего в Дербенте. Там же летом проходила свадьба жениха, которая фактически стала общей свадьбой, поскольку на ней в

8 Полевые материалы автора, собранные в 2018 г., Радужный, ХМАО.

качестве гостей были некоторые представители невесты⁹. Сама же свадьба невесты была устроена уже в Покачи, причем полгода спустя. На нее собралось около 400 гостей, что не так много для дагестанских торжеств в республике, но значительно для дагестанских свадеб на севере. На этом примере видно, что свадьбы могут не только дублироваться, но и объединяться и даже хронологически меняться местами (здесь свадьба невесты, которая обычно играет накануне свадьбы жениха, фактически случилась позже последней на целых полгода).

Для рассмотрения других факторов, влияющих на локальность свадебного торжества, приведу еще один пример из полевых заметок.

Фахретдин и его жена объяснили выбор локации тем, что их семья нечасто попадает на свадьбы в Дагестане и, в основном, они ходят на свадьбы на севере, поэтому и основные гости, которых они планировали пригласить, находились в ХМАО. Помимо актуальности социальных связей (на свадьбы помимо родственников и односельчан приглашают дагестанцев, с которыми завязались отношения в месте миграции, а также вообще друзей и коллег из «северной» жизни) здесь виден еще один важный принцип организации современной дагестанской свадьбы. Свадебное торжество в Дагестане имеет и определенную экономическую функцию – оно должно принести прибыль семье, его устроившей, или как минимум окупиться, поскольку основные и главные подарки гостей семье молодых – деньги. Сумма, которую уместно подарить, определяется близостью гостя к семье, проводящей свадьбу (чем ближе, тем больше, близкие родственники дарят больше всех), достатком гостя (престижно подарить много), а также тем, сколько семья молодых дарила семье гостя на их последней свадьбе. Принцип реципрокности обязывает включенные в свадебный кругорот семьи ходить друг к другу на свадьбы и фактически отдавать символические долги с учетом выше обозначенных правил определения суммы «долга». В этой связи семья, желающая получить большую сумму в качестве подарков, стремится пригласить помимо обязательных близких родственников еще и тех, у кого они сами были на свадьбе. Если же семья пропустила ряд свадеб в Дагестане, то логично предположить, что она не имеет в республике достаточное число «свадебных должников», зато уже обзавелась немалым числом аналогичных «заложников» закона реципрокности в месте миграции.

Безусловно, порой на решение провести свадьбу может оказать влияние и невозможность в должной мере организовать свадьбу в республике (не у всех мигрантов получается удачно использовать ресурс интернет коммуникации и родственных сетей, как это происходило в рассмотренных выше примерах). Тем не менее, нельзя недооценивать закон реципрокности в отношении выбора локальности брачного торжества.

Если кто-то из значимых участников свадебного ритуала (не обязательно жених и невеста, но также близкий родственник) участвует в миграции,

⁹ Организация общей свадьбы порой происходит в республике и вне связи с миграцией – см. [19, с. 186].

нередко отличительной особенностью таких свадеб является *скорость* принятия решения о браке и подготовки самого мероприятия.

Приведу следующий пример: выходцу из Кайтагского района Магомеду, уже несколько лет жившему в Сургуте, невесту изначально подобрала мама, оставшаяся в его родном селе. Примечательно, что для этого мама просматривала видеозаписи с последних сельских свадеб, пытаясь найти подходящую для сына девушку – сам он заявил, что долго был в отъезде и поэтому плохо знает потенциальных невест-односельчанок. В результате, когда он во время отпуска приехал на две недели в родное село, мать в ультимативной форме заявила ему, что за этот приезд он должен не только найти невесту, но и успеть жениться. Сын воспринял слова матери всерьез, после двух неудачных попыток сватовства третья завершилась сговором и затем свадьбой. В итоге из Дагестана Магомед уезжал на север уже женатым человеком.

Семья трансмигрантов из другого села Кайтагского района также столкнулась с необходимостью проведения стремительной свадьбы, когда между сговором и самим торжеством проходит всего несколько дней. Все члены семьи (родители и четверо уже повзрослевших детей – три брата и сестра) уже около десяти лет жили в Сургуте. Осенью они приехали в родное селение, провели там больше месяца и планировали отъезд (у главы семьи кончался отпуск). За несколько дней до вылета к дочери хозяина внезапно посватался парень из соседнего села. Девушке на тот момент было около 30 лет, и она уже была в браке, закончившимся быстрым разводом. В итоге семья почти сразу приняла решение о бракосочетании дочери, купила приданое и белое платье – молодым сыграли пусть не самую пышную, но настоящую свадьбу. Дочь осталась с мужем, а остальные члены семьи улетели на север именно в тот день, который и планировали до свадебного переполоха. К сожалению, и этот брак оказался неудачным, причем сказалась на этом и поспешность организации свадьбы: мужчина пользовался довольно дурной славой в своем селении и если бы времени у стороны невесты было больше, то они могли бы качественнее навести справки о женихе и, возможно, отказаться от предложенной партии. На этом примере видно, как сжатые сроки пребывания на малой родине и необходимость уезжать на север в качестве трудового мигранта, влияет на молниеносное развитие событий, связанных с брачными ритуалами.

Последние примеры наглядно демонстрирует еще одну специфику свадьбы в условиях транслокальности – корреляцию проведения свадеб и времени очередных приездов мигрантов из северных городов на малую родину. В интервью почти все информанты отмечали, что важную роль в планировании приезда в родное селение (а для дагестанских мигрантов характерна ситуация, когда почти все отпуска тратятся на поездки в Дагестан) играли важные события семейного и сельского масштабов. Среди таких событий проведение свадеб – своих, а также родственников – безусловно, одна из самых популярных причин поездки. А. Вайз и С. Велаютам описывают такие приезды как ритуальные возвращения, когда мигранты возвращаются в родное селение именно в канун

важнейших ритуалов и мероприятий в семье или общине. Эти возвращения важны для поддержания границ замкнутого сообщества и создания единого социального поля для всех выходцев из села, уехавших и оставшихся [16, с. 118].

Так семья Магомеда приехала в родное село из Сургута в 2017 году именно тогда, когда на 1,5 летних месяца приходилось порядка 10 свадеб, на которых им желательно было присутствовать. Они посетили все, хотя это далось им нелегко. В других интервью часто можно было слышать, работая на севере, что такого-то человека сейчас нет в городе, потому что он уехал на свадьбу в республику. Информанты нередко рассказывали, что принимали решение о внеочередной поездке в Дагестан, главным образом, именно на свадьбу родных или друзей. Например, один мой информант утверждал, что, чтобы успеть на свадьбу родственника и вернуться в течение имевшихся у него от отпуска нескольких дней, он преодолел на автомобиле расстояние в 3500 км из Сургута в дагестанское село чуть дольше, чем за сутки, совсем не останавливаясь на ночлег.

При этом не только мигранты подстраивают свой приезд в республику, чтобы попасть на значимые для них свадебные торжества или едут именно на них. Сами свадьбы в Дагестане могут назначать с учетом того, когда могут приехать в селение гости-мигранты.

Вот, максимально, когда все собираются, вот на этот момент ставят. Потому что проще так делать. И уже тех других родственников, которые могут выбрать время, вот, например, мы каждый год знаем, что, например, в этом году на какие мы свадьбы попадем. В следующем году мы знаем, на какие свадьбы попадем. И вот так вот, соответственно, мы едем. Это такой... место оптовой встречи. Очень удобно, кстати. Можно ко всем родственникам не ездить, и если там, перед свадьбами если приехал, возможность всех увидеть, перецеловать...И всё, так в списках родственников ты есть, они тебя не исключили, всё нормально»¹⁰.

В целом, свадебное торжество как беспрецедентное по своей консолидирующей функции событие осмысливается и мигрантами, и оставшимися в Дагестане сельчанами как время восполнения лакун в общении и в социальном взаимодействии в условиях миграции. Например, по словам одной из информантов, живущих в Новом Уренгое, самой правильной стратегией приезда на малую родину она считает приезд прямо накануне значимой для семьи сельской свадьбы. В этом поход на свадьбу позволяет встретить там одновременно большую часть родни, «со всеми перецеловаться», а потом уже не тратить значительную часть отпуска на необходимые визиты вежливости – это экономит мигранту не только время, но и деньги (каждый поход в гости сопровождается подарками).

Интернет-коммуникации приходят на помощь и в случае, когда мигрант не может посетить те или иные сельские свадьбы (как правило, это свадьбы односельчан, соседей, дальних родственников). Еще несколько лет назад, судя по данным интервью, передать деньги как подарок на свадьбу можно было с

10 Полевые материалы автора, собранные в 2019 г., Новый Уренгой, ЯНАО.

живым человеком, отправляющимся в Дагестан с севера, либо постфактум во время очередного визита на малую родину, а отправка денег через интернет-ресурсы воспринималась не вполне уместной.

Если бы я была матерью и моему сыну на свадьбу деньги на карточку (перевели – авт.), это было бы некрасиво¹¹.

Сейчас с развитием денежных транзакций через интернет в целом и тем более с учетом ситуации, вызванной пандемией, послать деньги через интернет, таким образом поздравив семью со свадьбой, стало вполне допустимо.

Консолидация разделенного сельского сообщества как приоритетная повестка для всего Дагестана, очевидно, стала возможной в постсоветский период, когда длительная трудовая миграция, а не сезонное отходничество, стала судьбой для большей части семей в дагестанских селениях. Однако есть примеры в республике, когда подобные задачи сельское сообщество решает на протяжении десятков лет. Один из примеров касается села Кубачи. Ювелиры знаменитого села переезжали семьями за пределы Дагестана и в дореволюционный период, и в советское время. В частности, большие общины кубачинцев проживали в Азербайджанской ССР и республиках Средней Азии. После распада СССР многие семьи приняли решение вернуться в Дагестан, но не все – до сих пор многие кубачинские семьи живут в Баку, в крупных городах Узбекистана и других центральноазиатских республик. На лето многие из них стараются приехать в Кубачи или прислать на каникулы своих молодых. Кубачинцы до сих пор твердо ориентированы на браки внутри сельского сообщества (куда входят и живущие в Узбекистане и Азербайджане), в связи с чем свадьбы представителей семей, живущих в Дагестане и в дальней миграции – не редкость. Свадебные консолидационные практики кубачинского джамаата во многом напоминают описываемые практики в контексте миграции на север¹².

Все описанные примеры, так или иначе, показывают значительную плотность и траектории трансформации связей внутри транслокального сельского сообщества в контексте проведения свадебных обрядов. Однако будет преувеличением говорить о том, что связи и практики внутри подобных транслокальных сообществ в полной мере тождественны практикам внутри сообщества одной локальности. Разумеется, ткань любого транслокального социального пространства неоднородна, порой прерывиста и нередко может иметь тенденцию к исчезновению, когда совокупность разрывов социальных связей станет больше, чем совокупность элементов связанностей. Поэтому очевидно, что, несмотря на все усилия дагестанских трансмигрантов не разрывать сельские связи даже в условиях длительной миграции и наличие весьма эффективных транслокальных практик мигрантов, физическая удаленность и подчас дискретность общения односельчан через интернет и визиты мигрантов на малую родину приводят к ослаблению некоторых связей в постсельском транслокальном сообществе односельчан. Определенное влияние эта ситуация оказывает и

11 Полевые материалы автора, собранные в 2018 г., Пыть-Ях, ХМАО.

12 Моя статья с результатами данного исследования еще находится в работе.

на брачные стратегии семьи. Например, в ходе исследования жизни дагестанских семей в северной миграции с несколькими семьями я общалась на протяжении пяти лет. В двух из пяти таких семей взрослые дети – парни и девушки – долго не вступали в брак, хотя их возраст по меркам сельского Дагестана уже давно это предполагал. Не буду делать выводы на основании такой небольшой выборки что тому виной – разрыв тесных контактов с родным селением и недостаточная доступность брачного реестра для участвующих в миграции дагестанцев и *vice versa*, «городские» взгляды данных детей мигрантов и их родителей на брак как на свободный выбор самих потенциальных брачующихся, репутационные потери живущей за пределами Северного Кавказа молодежи или что-то еще. Примечательно, что комментируя – почему трое сыновей моего информанта не женятся, близкая родственница их семьи, живущая в дагестанском селе и женившая всех своих детей вовремя, говорит, что для решения этой проблемы надо «набрать дисков с недавних свадеб и показать братьям, пусть выбирают себе невест». Ее совет, очевидно, направлен именно на восстановление информированности мигрантов о брачных ресурсах сельского сообщества, чтобы обе части постсельского джамаата стали в большей степени одним социальным пространством.

Завершая данную статью, хотела бы повторить основные представленные в тексте тезисы.

Современная миграционная ситуация, в которой оказались дагестанские селения, определила специфическое устройство постсельского социума, имеющего многие черты транслокальности. Это не могло не сказаться на значимых практиках и ритуалах сообщества. В этом случае закономерны изменения практик, связанных именно со свадьбой – центральным комплексом семейной обрядности. В статье показано как транслокальность сообщества влияет на организацию свадебного торжества и предшествующие ему стадии выбора брачного партнера и сватовства. Была показана влияние свадебных ритуалов на практики мобильности мигрантов и их односельчан, а также скорость перемещения и принятия решений в трансмигрантских семьях. Также показана роль интернет-коммуникации в модификации практик, связанных с проведением свадьбы. Безусловно, этой небольшой статьёй не исчерпывается тема влияния миграции на свадебный ритуальный комплекс в современном Дагестане, дальнейшие разработки темы планируются в следующих публикациях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Агларов М.А. Сельская община как эндогамный круг в Дагестане // Брак и свадебные обычаи у народов Дагестана в XIX – нач. XX в. Махачкала, 1986.
2. Glick Schiller N., Bash L., Szanton-Blanc C. Towards a transnational perspective on migration. New York: Annals of New York Academy of Science, 1992.
3. Levitt P. Transnational villagers. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 2001. Pp. 281.
4. Pries L. New migration in transnational space // Migration and transnational social spaces / Ed. by L. Pries. Ashgate, Brookfield USA, 1999.
5. Капустина Е.Л. Между Севером и землей: дорога из Западной Сибири в Дагестан как элемент социального пространства транслокального мигранта // Социологические исследования. – 2017. – № 5. – С. 26–34.
6. Kapustina E.L. The boundaries of the djamaat: the particular features of Dagestan's translocal communities in the context of migration flows within the Russian Federation // Журнал исследований социальной политики. – 2019. – №1. – С. 103–118.
7. Капустина Е.Л. «Самый Северный Кавказ»: особенности организации транслокальной жизни мигрантов из Дагестана в Западную Сибирь // «Жить в двух мирах»: переосмысляя транснационализм и транслокальность. Сборник статей; под ред. О. Бредниковой и С. Абашина. М.: НЛЮ, 2020. С. 374–441.
8. Greiner C., Sakdapolrak P. Translocality: Concepts, applications and emerging research perspectives. *Geography Compass*. 2013. 7(5). Pp. 373–384.
9. Goldring L. Power and Status in Transnational Social Spaces Pries L. (ed.) *Migration and transnational social spaces*. 1999. Ashgate, Brookfield USA. Pp. 162–186.
10. Cross-Border Marriages Gender and Mobility in Transnational Asia. Ed. by N. Constable University of Pennsylvania Press, 2005.
11. Transnational Marriage: New Perspectives from Europe and Beyond. Ed. by K. Charsley. New York: Routledge. 2012. p. 20.
12. Block, L. Policy Frames on Spousal Migration in Germany. *Regulating Membership, Regulating the Family*. Wiesbaden: Springer. 2016.[Crossref], [Google Scholar]
13. Moret J., Andrikopoulos A., Dahinden J. Contesting categories: cross-border marriages from the perspectives of the state, spouses and researchers // *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2019. DOI: 10.1080/1369183X.2019.1625124
14. Beck-Gernsheim E. Transnational lives, transnational marriages: a review of the evidence from migrant communities in Europe // *Global Networks*. 2007, V.7 (3). P.271-288.
15. Peleikis A. The emergence of a translocal community: the case of a South Lebanese village and its migrant connections to Ivory Coast // *Cahiers d'études sur la Méditerranée orientale et le monde turco-iranien*. 2000, 30. Pp. 297-317. DOI: <https://doi.org/10.3406/cemot.2000.1564>
16. Wise A., Velayutham S. Second-Generation Tamils and Cross-Cultural Marriage: Managing the Translocal Village in a Moment of Cultural Rupture // *Journal*
1. Aglarov MA. Marriage and wedding customs among the peoples of Dagestan in the XIX – early XX century [*Selskaya obshina kak endogamnyj krug v Dagestane*] *Rural community as an endogamous circle in Dagestan* [*Brak i svadebnye obychai u narodov Dagestana v XIX – nach. XX v.*] Makhachkala, 1986. (In Russ.)
2. Glick Schiller N., Bash L., Szanton-Blanc C. *Towards a transnational perspective on migration*. New York: Annals of New York Academy of Science, 1992.
3. Levitt P. *Transnational villagers*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 2001: 281.
4. Pries L. New migration in transnational space *Migration and transnational social spaces* / Ed. by L. Pries. Ashgate, Brookfield USA, 1999.
5. Kapustina EL. Between the North and the land: road from west Siberia to Dagestan as an element of social space of translocal migrant [Mejdu Severov I zemleyi: doroga iz zapadnoi Sibiri v Dagestan kak element sotsialnogo prostanstva translokalknogo mira] *Sociological Studies* [Sotsiologicheskie issledovaniya]. 2017; 5:26-34. (In Russ.)
6. Kapustina EL. The boundaries of the djamaat: the particular features of Dagestan's translocal communities in the context of migration flows within the Russian Federation *The Journal of Social Policy Studies*. 2019,1:103-118.
7. Kapustina EL. "The Northern Caucasus": features of the organization of the translocal life of migrants from Dagestan to Western Siberia [«Samyj Severnyj Kavkaz»: osobennosti organizacii translokalnoj zhizni migrantov iz Dagestana v Zapadnuyu Sibir] "*Living in two worlds*": rethinking transnationalism and translocality [«Zhit v dvuh mirah»: pereosmyslyaya transnacionalizm i translokálnost]. Ed. by O. Brednikova and S. Abashin. Moscow, NLO. 2020: 374-441. (In Russ.)
8. Greiner C., Sakdapolrak P. Translocality: Concepts, applications and emerging research perspectives. *Geography Compass*. 2013;7(5): 373-384.
9. Goldring L. Power and Status in Transnational Social Spaces Pries L. (ed.) *Migration and transnational social spaces*. 1999. Ashgate, Brookfield USA: 162-186.
10. *Cross-Border Marriages Gender and Mobility in Transnational Asia*. Ed. by N. Constable University of Pennsylvania Press, 2005.
11. *Transnational Marriage: New Perspectives from Europe and Beyond*. Ed. by K. Charsley. New York: Routledge. 2012:250.
12. Block, L. *Policy Frames on Spousal Migration in Germany. Regulating Membership, Regulating the Family*. Wiesbaden: Springer. 2016.[Crossref], [Google Scholar]
13. Moret J., Andrikopoulos A., Dahinden J. Contesting categories: cross-border marriages from the perspectives of the state, spouses and researchers *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2019. DOI: 10.1080/1369183X.2019.1625124
14. Beck-Gernsheim E. Transnational lives, transnational marriages: a review of the evidence from migrant communities in Europe *Global Networks*. 2007;7(3):271-288.
15. Peleikis A. The emergence of a translocal community: the case of a South Lebanese village and its migrant

of Ethnic and Migration Studies. 2008.34(1). P.113-131. DOI: 10.1080/13691830701708718

17. Voigt-Graf, Carmen. The construction of transnational spaces by Indian migrants in Australia. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2005. 31. 365-384. DOI: 10.1080/1369183042000339972.

18. Алимova Б.М. Брак и свадебные обычаи в прошлом и настоящем (равнинный Дагестан). Махачкала: Даггиз, 1989.

19. Алимova Б.М., Мусаева М.К., Магомедханов М.М. Современная дагестанская городская свадьба // Кавказский город: потенциал этнокультурных связей в урбанистической среде / Отв. ред. Ю.М. Ботякова. – СПб.: МАЭ РАН, 2013. – С. 176–205.

20. Амирханова А.К. Влияние глобализационных процессов на трансформацию предсвадебных обрядов горожан Дагестана // АСТА HISTORICA: труды по историческим и обществоведческим наукам. – 2018. – №2. – С. 23–25.

21. Брак и свадебные обычаи у народов Дагестана в XIX – нач. XX в. Махачкала, 1986.

22. Хадирбеков Н.Б. Особенности специфики внутритухумных браков у народов Южного Дагестана в XIX нач. XX в // Вестник Социально-педагогического института. – 2012. – №2. С. 65–70.

23. Алимova Б.М., Ибрагимов М.-Р.А. Новые тенденции в развитии семейной обрядности народов Дагестана // Вестник института этнологии и антропологии. – 2016. – №2 (46). – С. 69–79.

24. Магомедова П.М. Свадьба в с. Маали как социальное действие в контексте особенностей социальных отношений в Дагестанском горско-сельском социуме // Кавказские локальные сообщества в глобальном мире: опыт изучения политический, социальной и религиозной трансформации. М., СПб, «Бранко» 2017. – С. 111–130.

connections to Ivory Coast *Cahiers d'études sur la Méditerranée orientale et le monde turco-iranien*. 2000;30:297-317. DOI:10.3406/cemot.2000.1564

16. Wise A., Velayutham S. Second-Generation Tamils and Cross-Cultural Marriage: Managing the Translocal Village in a Moment of Cultural Rupture *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2008.34(1):113-131. DOI: 10.1080/13691830701708718

17. Voigt-Graf C. The construction of transnational spaces by Indian migrants in Australia. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2005;31: 365-384. DOI: 10.1080/1369183042000339972.

18. Alimova BM. *Marriage and wedding customs in the past and present (lowland Dagestan) [Brak i svadebnye obychai v proshlom i nastoyashem (ravninnyj Dagestan)]*. Makhachkala: Daggiz, 1989.

19. Alimova BM., Musaeva MK., Magomedkhanov MM. Modern city wedding in Dagestan [Sovremennaya dagestanskaya gorodskaya svadba] *Caucasian city: the potential of ethnocultural ties in the urban environment [Kavkazskij gorod: potencial etnokulturnyh svyazej v urbanisticheskoy srede]*. Ed. by YM. Botyakov. St. Petersburg: MAE RAN, 2013:176-205.

20. Amirkhanova AK. The influence of globalization processes on the transformation of pre-wedding ceremonies of the townspeople of Dagestan [Vliyanie globalizatsionnyh processov na transformaciyu predsvadebnyh obryadov gorozhan Dagestana] *ACTA HISTORICA: Writings on the History and Social Studies*. 2018; 2:23-25.

21. *Marriage and wedding customs among the peoples of Dagestan in the XIX – early XX century [Brak i svadebnye obychai u narodov Dagestana v XIX – nach. XX v.]*. Makhachkala, 1986.

22. Khadirbekov NB. Features of intratukhum marriages among the peoples of Southern Dagestan in the beginning of XIX – early XX c. [Osobennosti specifikki vnutrituhumnyh brakov u narodov Yuzhnogo Dagestana v XIX nach. XX v.] *Bulletin of the Social Pedagogical Institute*. 2012,2(5): 65-70.

23. Alimova BM., Ibragimov M-RA. New trends in the development of family rituals of the peoples of Dagestan [Novye tendencii v razvitii semejnoy obryadnosti narodov Dagestana] *Bulletin of the Institute of Ethnology and Anthropology*. 2016;2(46):69-79.

24. Magomedova PM. Wedding in the village of Maali as a social action in the context of the peculiarities of social relations in the Dagestan mountain-rural society [Svadba v s. Maali kak socialnoe dejstvie v kontekste osobennostej socialnyh otnoshenij v Dagestanskom gorsko-selskom sociume] *Caucasian local communities in the global world: an experience of studying political, social and religious transformation [Kavkazskie lokalnye soobshestva v globalnom mire: opyt izucheniya politicheskij, socialnoj i religioznoj transformacii]*. Moscow, St. Petersburg: Branko, 2017:111-130.

Статья поступила в редакцию 25.11.2020 г.